

Скоропанова Ирина Степановна
доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
русской литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Irina Skoropanova
Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of The Department
of Russian Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Skoropanova@bsu.by

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНЕКДОТЫ А. НИКА: СТРАТЕГИЯ ИГРЫ

A. NIK'S LITERARY ANECDOTES: THE STRATEGY OF THE GAME

В статье получают научную интерпретацию литературные анекдоты А. Ника, представленные в цикле его миниатюр «Доты» и посвященные представителям ленинградского андеграунда, возрождавшим традиции футуризма и ОБЭРИУ. Игра с писательскими имиджами у А. Ника – способ ввести фигуры непечатающихся и непризнанных талантов в литературный процесс, сохранить для будущего яркую страницу истории русской культуры. Избранный автором жанр преломляет присущую «эрлезианцам» тенденцию к раскрепощению литературы и деканонизации канонизированного.

Ключевые слова: *neoavangardism; «эрлезианство»; игра; литературный анекдот; средства комического.*

The article provides a scientific interpretation of A. Nik's literary anecdotes presented in his cycle of miniatures *Dots* and dedicated to the representatives of the Leningrad underground, who revived the traditions of Futurism and OBERIU. A. Nik's play with writer's images is a way to introduce figures of unprinted and unrecognized talents into the literary process, to preserve for the future a bright page in the history of Russian culture. The genre chosen by the author refracts the inherent tendency of the "Erlesians" to liberate literature and decanonize the canonized.

К e y w o r d s: *neoavangardism; "erlesianism"; play; literary anecdote; tools of the comic.*

В Ленинградской «второй культуре» 1960–1970-х гг. один из главных ее «историографов» Константин Кузьминский выделяет «бродскианцев», то есть авторов, в том или ином отношении близких неомодернистской линии И. Бродского, и «эрлезианцев», творческие устремления каковых наиболее полно воплотил Владимир Эрль, нацеливавший на возрождение самых радикальных форм авангардизма, учитывая опыт футуристов, но в большей степени – обэриутов, и создавший в 1966 г. совместно с Дмитрием Макриновым группу Хеленуктов. В противовес идеологизированно-шаблонной литературе «кобзых мест» «эрлезианцы» избрали творческий принцип игры как свободной активности, имеющей цель в себе. Это и игра с создаваемым текстом, и игра с текстами предшественников и современников, и игра с читателем и литературной критикой, проявляющая себя многооб-

разно. От В. Эрля пошла тенденция прочитывания и воссоздания в духе черного юмора официальной советской продукции – литературной и литературоведческой, как и неэтичных форм литературной борьбы. Собственные декларации и автобиографии у «эрлезианцев» нередко мистифицированы, скрыто пародируя устоявшиеся парадные каноны. Сам образ писателя как всеведущего будто бы выразителя высшей истины подвергался десакрализации. Распространялся такой подход и на самих себя, не принимавших самовозвеличивания в стихах, способных дружески пошутить друг над другом. Близкий к Хеленуктам А. Ник, возможно, под влиянием Д. Хармса, обратился с этой целью к жанру литературного анекдота. Он делает это жанровое обозначение (отчасти зашифрованное, но легко восстанавливаемое по общему звучанию) номинативно-заголовочным атрибутом своего цикла миниатюр: А. Ник «Доты».

В комедийном ключе воспроизводит здесь автор серию эпизодов из собственной жизни и из жизни своих андеграундных друзей. Они даны под их реальными именами и фамилиями (иногда – под псевдонимами): Н. И. Аксельрод, Горбунов, Макринов, Аксельрод-младший, Коля Николаев, Саша Миронов, Серёжа Танчик, Витя Кривулин, В. Эрль, А. Ник, – однако превращены в персонажей анекдотов, изображены в нелепых, даже абсурдных ситуациях, в дурацко-комедийном виде. Это было одним из проявлений стратегии игры, взаимного подначивания, состязания в остроумии, готовности похомить, поднимавших общий тонус. Используются травестии, инфантилизация, комический абсурд, сюрреалистическая образность, буквальная реализация фразеологизмов, элементы графоманской поэтики, самоирония, наконец.

Уменьшительные обозначения имен собственных отражают как молодость названных лиц, так и не оказененные, приятельско-демократичные отношения между ними. И, конечно же, в официальном литературоведении подобные вольности в обращении с именем собственным не допускались, что скрыто указывало на неофициальный статус поименованных авторов.

На понимание товарищей А. Ник явно рассчитывает: он никого не намерен обидеть – лишь побудить вместе с ним посмеяться, увидев себя в остроненном виде, а чувство юмора (не сомневается А. Ник) есть у каждого из названных. К тому же воспроизводимые ситуации настолько неправдоподобные, что всерьез принять их невозможно. «Положительный» аспект личности персонажей остается «за кадром»; но уже сам факт, что они удостоились попадания в литературный анекдот, предполагает: это выделившиеся из общего ряда, привлекающие к себе внимание индивидуальности, заслуживающие того, чтобы быть отнесенными к писателям. Нелишне иметь в виду, что эпиграммы, карикатуры, шаржи, анекдоты, пародии, как правило, создают на людей известных, иначе специфика этих жанров не срабатывает. А. Ником, таким образом, как бы предсказывается будущая известность не издаваемых и не признаваемых до времени талантов андеграунда.

Анекдотизм создают странность, инфантилизм, комическая неожиданность поведения и высказываний персонажей. При этом используется техника *наивного письма*, что мотивируется повествованием от лица некого простака П. С. Юркина, приславшего будто бы А. Нику собранные им «поучительные истории». Отсюда как бы серьезная подача придуманного, но сопровождающаяся стилевыми ляпами, описками, грамматическими и синтаксическими ошибками («В последствии», «кораб», «дышили полной грудью, носом», «нервный смешок пробежал по его членам», «–Паук!, закричал Витя» и др.), что усиливает комедийный эффект.

В целом ряде случаев анекдоты основаны на буквальной реализации / разыгрывании фразеологизмов: «плевать в потолок», «плевать на человека», «заговаривать зубы», «искать самого себя», «глаза на лоб полезли», «ловить мух», «искать рифму», «оторвать голову», благодаря чему персонажи вовлекаются в дурацко-абсурдные действия. Например:

Однажды у Аксельрода сломался зуб. Он тут же, не откладывая в долгий ящик, пошёл за советом к своему лучшему другу Макринову.

– Что будем делать Димыч? – спросил он Макрина, указывая при этом на сломанный зуб.

Макринов с большим вниманием выслушал Аксельрода и сказал – Мы его заговорим.

– Да что ты, как же можно заговорить сломанный зуб?! – удивился Аксельрод.

– Очень просто – улыбнулся хитро Макринов и заговорил Аксельроду все зубы [1, с. 517].

Игрой в инфантилизм, шутливым дурачеством Д. Макринов стремится поднять товарищу настроение, отвлечь от сосредоточенности на неприятном.

В анекдотах, приписываемых Д. Хармсу, есть сюжет о «переодевании» Гоголя Пушкиным. У А. Ника подобное мотивируется спецификой сна, принимаемого за реальность:

Было серое туманное утро. Делать нечего, вот Аксельрод взял да и сел в трамвай. Трамвай довёз его до дома его лучшего друга Горбунова.

– Кто там? – спросил на всякий случай Горбунов, хотя прекрасно знал, что в такую рань может появиться только Аксельрод. Тот и сказал:

– Это я.

Дверь открылась, Аксельрод вошёл в квартиру и обнаружил, что Горбунова нет. – Где ты Вова? – спросил он, приложив ко рту руку сложенную трубочкой. Ответа не последовало [1, с. 517].

Говорить Аксельрод вдруг начинает горбуновским голосом, в отчаянии падает на диван и видит самого себя, входящего в комнату.

Онейросфера по-своему преломляет тот факт, что, «придя к Горбунову», то есть сблизившись с Хеленуктами, Аксельрод «нашёл самого себя» – состоялся как писатель, начал печататься в самиздате.

Литературно-филологическая специфика ряда описываемых личностей проплывает в анекдоте о В. Кривулине, прикидывающем, можно ли назвать

повешенного на фонаре пьяного человека «пьяным трупом», ведь трупы не пьют. Комический парадокс здесь в том, что побочное перекрывает в восприятии персонажа главное: самому повешенному, увиденному на фонаре на городской улице, Кривулин-персонаж не удивляется, как будто для него это нечто привычное. Сильнее всего в нём литератор, ищущий адекватное слово для передачи впечатления, производимого увиденным, отчего он несколько смешон.

О том, насколько пишущий может войти в создаваемый текст, как бы выпадая на время из реальности, ибо живет в двух мирах, – анекдот о Коле Николаеве. Здесь описывается приход в гости к Н. Николаеву А. Миронова с С. Танчиком, которые принесли с собой бутылку коньяка и букет роз Суперстар.

– *Всё понимаю, – удивился даже очень расторганный Коля, – ... то, что ты с Серёжей, это очень хорошо. И коньяк нам не помешает ... а вот розы, зачем Суперстарные?* [1, с. 517]. Однако выясняется, что это не само событие, а рассказ Н. Николаева на данный сюжет. Когда же А. Миронов и С. Танчик действительно приходят к Н. Николаеву, тот удивляется, где же розы? (настолько вжился в сочиняемое), а гости недоумевают: о чем он? Оставив ненадолго пришедших, Коля дописывает в кухне рассказ все-таки по-своему:

– *Ах, розы, – улыбнулся грустно Саша. – Это твоей маме, она ведь тебя родила* [1, с. 520].

Из-за принадлежности к миру литературы с его уходом в творческий процесс – во многом и странности поведения персонажей.

Некоторые фрагменты основываются на чистой фантастике, каковая может получать сюрреалистическую реализацию. Таков эпизод с Н. Николаевым, пальто которого продолжает висеть в воздухе, хотя державший его гвоздь упал, или происшествие с В. Кривулиным, у которого то ли начала расти / удлиняться левая рука, то ли укорачиваться правая, или случай с Д. Макриновым, у какового не глаза, а очки лезут на лоб и др. Тем самым подчеркивается, что фантастика – неотъемлемая составляющая личности писателя, только внутреннее А. Ник делает внешним.

Потребность в самосовершенствовании иносказательно отражает анекдот о раздвоении В. Кривулина:

Пишешь, спросил Витя Кривулин Витю Кривулина. Пишу, ответил тот. А что пишешь, снова спросил Витя. Стихи, ответил тот. Хорошо, скорее вслух подумал Витя нежели проговорил. Помолчали. Ну, а ты что пишешь, спросил Витя Кривулин Витю Кривулина. Пишу, ответил тот, очень хорошие стихи пишу. Очень хорошо, подумал про себя Витя, выходит я пишу стихи, а ты очень хорошие стихи. Нехорошо это. Помолчали. И прозу хорошую пишу, обернулся Витя Кривулин к Вите Кривулину, но того уже и след простыл [1, с. 521].

Анекдот можно трактовать по-разному: и как сон, в котором В. Кривулину явился его улучшенный двойник, и как воображаемый диалог «я» сегодняшнего с «я» будущего, и как фантазию поэта, «оживляющего» свое

отражение в зеркале. Проступает во всем этом, несмотря на известную комичность, строгая самооценка персонажа, стремление писать все лучше и лучше.

Не обходит А. Ник и нелепостей, связанных с «поддатостью» персонажа. Так, Коля Николаев не может разобраться со стилевой двусмысленностью в обороте «открою знакомому в пижаме»: то ли тот с улицы пришел в пижаме (неужели?), то ли он сам открывал дверь, будучи одетым в пижаму. На самом деле спал Коля не в пижаме, а в длинном демисезонном пальто, в котором и рухнул на диван, прияя после выпивки домой. В этом причина его бесполковости.

Зафиксирована в анекдотах и возможность использования персонажами обсценной лексики. Парадоксальным образом с ее помощью изображаемые передают свой восторг, так как чуждаются пафосности, присущей официальной культуре. Нецензурное слово у них, таким образом, утрачивает свой ругательный характер, приобретает значение междометия, передающего эмоции. В этом случае персонажи напоминают детей, которым не хватает слов для выражения своих чувств и пользующихся «первыми попавшими». Сквозь авторский юмор опять-таки сквозит отличие людей творческих от остальных.

Чтобы проакцентировать выдуманность приписываемых андеграундным писателям высказываний и поступков, побудить воспринимать их как литературных персонажей, А. Ник вводит в «Доты» и анекдоты о Ципе и Циве. Первый из них заимствован из фольклорной считалки, и в тексте есть подсказка:

- Ципа!
- Дрыпа [1, с. 525].

Второй создан «в пару» к первому. Данные персонажи инфантильно-неразвиты, метафорическое воспринимают буквально, ведут себя неадекватно:

– Руки по швам! – приказал сердитый генерал.

Но Ципа вместо этого стал оглядываться вокруг себя, при этом даже ощупывая себя.

– Что вы ищете, солдат? – поинтересовался гневно-нервный генерал.

– Швы, – с виноватой улыбкой ответил Ципа [1, с. 525].

Как не принимаем мы за реальных людей шуточных Ципу и Циву, на аналогичный лад настраивает А. Ник и при восприятии фигур писателей, обозначенных их собственными фамилиями или псевдонимами. Вовлекаемые в игру читатели догадываются, что андеграундные персонажи сотканы из выдумок, имеют повод посмеяться и вместе с тем непроизвольно запоминают их имена, проникаются к этим авторам заочной симпатией.

Характер же анекдотов таков, что андеграундная жизнь предстает как не скучная, напротив, творчески активная, изобретательная, парадоксальная, держащаяся на крепкой дружбе. Она притягивает к себе, увеличивает символический капитал андеграунда.

Исподволь заявляет о себе и непосредственное значение слова «дот», вынесенное в заглавие. Дот – это «долговременное оборонительное сооружение (точка) из железобетона для размещения одного или нескольких орудий и пулемётов с личным составом» [2, с. 152].

«Оборонительный» характер «Дотов» А. Ника – в защите русской литературы от диктата со стороны власти, в отстаивании творческой свободы и ее выразителей. Официально несуществующие у него и есть живая литература, за которой будущее.

И в реальной жизни А. Ник делал все от него зависящее, чтобы сохранить имена достойных, привлечь внимание к их произведениям и к ним самим. И уехав в начале 1970-х из Ленинграда в Прагу, он продолжал поддерживать связь с Хеленуктами. А. Ник выпускал самиздатский журнал «Munk», в каком печатал и андеграундных авторов, сам участвовал в альманахе «Часы», выходившем под редакцией А. Антонова и В. Эрля.

Время подтвердило значимость творчества писателей, о которых идет речь в «Дотах». Крупными фигурами русской литературы признаны сегодня В. Кривулин и А. Миронов; изучение «малосадовской» поэзии немыслимо без творчества В. Эрля и Д. Макринова. Доступными стали и «Доты» А. Ника, сохранившие для потомков яркую страницу истории русской культуры. Своеобразное продолжение эта линия литературы получит в книге М. Волковой и С. Довлатова «Не только Бродский», имеющая подзаголовок «Русская культура в портретах и анекдотах».

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Ник «Доты» / А. Ник // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны» : в 5 т. – Ньютонвилл, 1998. – Т. 5Б. – С. 515–532.
2. Дот // Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. – М., 1952. – Т. 15. – С. 152.

Поступила в редакцию 10.06.2025